

УДК 336.011

Б.М. Хоконов

Северо-Кавказский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск, email: khokonov07@mail.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В КОРПОРАЦИЯХ

Ключевые слова: финансовый контроль, корпорации, финансовые системы, финансовая задолженность, финансовизация, цифровые технологии, сетцентрическое управление.

Рассматривается проблема поиска приоритетов трансформации финансового контроля в корпорациях в условиях современной новой нормальности с учетом его функционального состояния. В ходе исследования использовался системный подход в контексте двух наиболее распространенных трактовок содержания финансов. Раскрыта неадекватность сложившихся инструментов и форм организации финансового контроля в корпорациях основным вызовам последнего времени – росту совокупной задолженности, финансовизации экономического развития и сохранению теневой экономики. Показана картина нарастания кризисных явлений в финансовой сфере и формирование требований нынешней экономической нормальности применительно к формирующимся финансовым системам. Обоснована необходимость рассмотрения финансового контроля как необходимого элемента новых финансовых отношений. В качестве достаточного условия предлагается широкое использование цифровых платформенных технологий и сетцентрической организации управления финансовым контролем, позволяющих преодолеть накопленные противоречия посредством трансформации его содержания.

В.М. Khokonov

North Caucasus institute-branch of Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Stavropol Territory, Pyatigorsk, email: khokonov07@mail.ru

REPRODUCTIVE TRANSFORMATION OF CORPORATE FINANCIAL CONTROL

Keywords: financial control, corporations, financial systems, financial debt, financialization, digital technologies, network-centric management.

The problem of finding priorities for the transformation of financial control in corporations in the conditions of modern new normality, taking into account its functional state, is considered. The study used a systematic approach in the context of the two most common interpretations of the content of finance. The inadequacy of the existing instruments and forms of organization of financial control in corporations to the main challenges of recent times – the growth of aggregate debt, the financialization of economic development and the preservation of the shadow economy is revealed. The picture of the growth of crisis phenomena in the financial sphere and the formation of the requirements of the current economic normality in relation to emerging financial systems is shown. The necessity of considering financial control as a necessary element of new financial relations is substantiated. As a sufficient condition, the widespread use of digital platform technologies and network-centric organization of financial control management is proposed, which allow overcoming the accumulated contradictions through the transformation of its content.

Развитие финансового контроля в корпорациях в настоящее время стало важным и неотъемлемым элементом общей системы управления. В данном контексте в его сфере оказались столь важные компоненты как обеспечение роста общей эффективности управления и повышения прибыльности осуществляемого производства. При этом, основное содержание финансового

контроля в корпорациях сейчас преимущественно представляет собой строгий набор процедур и мероприятий, которые позволяют адекватно и объективно отражать динамику бизнес-процессов с позиций их рыночной эффективности и соответствия законодательным требованиям в части инвестирования имеющихся средств, производительности труда и основных фондов, общей

финансовой устойчивости общества и реализации всех его целей развития. Сложившаяся на практике система предварительного, текущего и последующего контроля позволяет интегрировать многие виды работ с базами документов как на отдельных участках бизнес-процессов, так и непосредственно с действиями сотрудниками на различных иерархических уровнях, предоставляя тем самым достаточно полную картину для реального принятия решений и их исполнения в управлении корпоративным капиталом.

Вместе с тем, с одной стороны, среди объектов финансового контроля представлены, в первую очередь, стоимостные и натуральные показатели корпоративной хозяйственной деятельности, которые в комплексе со статистическими данными по всем направлениям производства и сервиса, а также с многоаспектными характеристиками всех внутренних и внешних участников составляют основу для всестороннего анализа воспроизводственного функционирования акционерных капиталов. Но с другой стороны, среди целей корпоративного финансового контроля значатся преимущественно такие, как определение качества осуществления всех видов учета с установлением существующих недостатков в работе сотрудников и управлении капиталом с последующей выработкой рекомендаций по их преодолению на основе новых концептуальных подходов и установления конкретных факторов эффективности функционирования общества. Это соответствует, в частности, требованиям главы XII российского федерального закона «Об акционерных обществах» (№ 208-ФЗ от 26.12.1995 в редакции от 25.02.2022), предусматривающей функционирование ревизионных комиссий и аудиторов обществ, представление ими итоговых заключений, организацию управления рисками и внутреннего контроля.

В итоге на практике произошло расхождение потенциала и целеполагания финансового контроля, которое привело к дисбалансу между эффективно функционирующими инструментами и воспроизводственными отношениями. Поэтому достаточно совершенная система

финансового контроля оказалась не в состоянии своевременно предусмотреть и хотя бы как-то предотвратить надвигающуюся в последние годы финансовую катастрофу глобальной экономики, особенно ударившей по корпоративному сектору.

Неожиданность и многоплановость современных экономических проблем признается как в зарубежной, так и в российской аналитике. Прежде всего отмечается, что после событий текущего года мир уже никогда не вернется в прежнее состояние, которое формировалось на протяжении ряда десятилетий на западных принципах экономического развития с определяющим влиянием нарастающей глобализации. Именно глобализация с ведущей ролью крупнейших корпораций обеспечивала определенное равновесие и необходимую устойчивость всей системы как в геополитических направлениях, так и в сугубо утилитарных. Стремительное разрушение долговременного равновесия привело к потере многих экономических ориентиров в ценовых, структурных и логистических компонентах, к утрате эффективности основных рыночных ориентиров использования ограниченных производственных ресурсов. При этом, несмотря на традиционно разные подходы отечественных и зарубежных специалистов, выводы характеризуются во многом однозначно – корень проблем заключается в противоречивом развитии современных финансов в последние десятилетия.

В условиях, когда, как отмечают аналитики и ученые, пока еще нет возможности однозначно ответить на вопрос об основах формирования нового экономического мира, важно выделить приоритетные тренды перспективного воспроизводственного развития и векторы динамики финансовых отношений. Объектом, интегрирующим оба процесса, является инвестиционная активность, которая находится также и в сфере финансового контроля.

Поэтому, с одной стороны, нельзя не учитывать новые вызовы для всей системы финансового контроля, исходящие от кардинальных изменений в глобальной и национальных экономиках в последнее время. С другой стороны,

следует признать, что совершенствование сложившейся системы финансового контроля в корпорациях во многом теряет свой смысл перед этими вызовами, поскольку множество нынешних схем организации финансового контроля в корпорациях являются не столько выражением экономических отношений, сколько практическим результатом административно-иерархического взаимодействия. В совокупности становится неизбежной глубокая трансформация финансового контроля в корпорациях.

Цель исследования

Главная цель исследования заключается в теоретическом поиске нового содержания финансового контроля в корпорациях с позиций отношений воспроизводства и их интеграции в национальные финансовые отношения в современных условиях многочисленных трансформационных процессов в экономических системах. При этом важной дополнительной целью исследования является определение приоритетного объекта финансового контроля, с которым будет связана его трансформация в условиях почти полной неопределенности относительно основного содержания грядущей новой экономики. Поэтому пристальное внимание в современных условиях хозяйственного развития необходимо сосредоточить на формировании новых экономических отношений в части финансового контроля как важной составляющей эффективности воспроизводственных процессов на корпоративном уровне в цифровом технологическом пространстве.

Материал и методы исследования

Исследование выбранной проблематики проводилось на основе системного подхода, в рамках которого в конкретных случаях использовались различные виды анализа – функциональный, сравнительный, статистический и экспертный. При этом потребовалось посредством логических обобщений выделить усиление связи содержания финансового контроля с контрольной функцией финансов, что в перспективе позволило потенциально интегрировать его с процессами технологической цифровизации экономики. Подобная системная интеграция от-

крывает дополнительные возможности трансформации финансового контроля, сопряженные с новым качеством использования ограниченных производственных ресурсов. Особенно это важно для исследования корпоративных структур, в которых сформировались так называемые стратегические контролеры, функционально ориентированные на перманентный анализ выполнения бизнес-стратегий всем комплексом операционных центров и стратегическое управление процессами достижения системных синергетических эффектов [6].

Наряду с тем, методология исследования предполагала поиски возможностей одновременного использования двух самых распространенных противоположных подходов к трактовкам содержания финансов как таковых.

С одной стороны, это самая известная рыночная традиция раскрытия сущности финансов посредством эффективного управления потоками доходов и расходов на публичном, корпоративном и индивидуальном уровнях, обеспечивающего формирование и последующее использование множества ресурсных фондов. Соответственно в предмет исследования преимущественно входили инструментальные и организационные формы и методы движения финансовых ресурсов.

Для реализации интересов корпоративного сектора в этом контексте большую роль сыграли многие теории управления финансовыми потоками, среди которых наибольшую известность получили, например, портфельная концепция с ее дифференциацией различных видов активов по уровню их рыночной эффективности и принятия решений об использовании ограниченных производственных ресурсов на базе анализа положения дел на финансовых рынках [4]. Широко использовались модели рыночного и корпоративного ценообразования на финансовые активы с возможностью использования результатов в процессе оптимизации ресурсных потоков [3] и разработки в области контроля за реальной динамикой цен производителей и структурами финансовых рынков в условиях преимущественно рационального поведения участников корпоративных объединений. В этих и многих других

теориях была заложена методология исследования процессов и проблем развития финансов через разработку и широкое применение большого количества различных инструментов, что особенно важно для корпоративных форм объединения капитала и производств в силу неограниченного числа рыночных участников и необходимости строго контроля за соблюдением всех их интересов в соответствии с требованиями законодательства и законов экономики. Поэтому и развитие финансового контроля в корпорациях по своему содержанию пошло в основном по направлениям инструментального наполнения.

С другой стороны, на протяжении почти всего прошлого столетия относительно активно, хотя конечно с меньшим распространением в мире, развивалась концепция представления финансов в качестве экономических отношений. Отличительной чертой данных отношений было их формирование и развитие в связи с образованием и использованием денежных фондов. В различных интерпретациях, как считалось, эта система денежных отношений отражала сущность социалистической и плановой экономики в той части, в которой использовались товарные и рыночные механизмы [15]. Несмотря на такие ограничения, как выделяемые двойственность природы и жесткий классовый характер финансов, в этом подходе присутствовала важная для рассматриваемой темы установка на определение в качестве одной из важнейших системных целей осуществление контроля и анализа стоимостных пропорций в процессе воспроизводства общественного продукта.

На наш взгляд, именно это является важным методологическим принципом, сохраняющим свою значимость в настоящее время для анализа динамики воспроизводственных потоков ограниченных ресурсов, а также процессов производства и последующего использования валового внутреннего продукта (ВВП). При таком подходе в центре корпоративных контрольных действий оказывается главная долгосрочная цель – стратегические условия исполнения интересов акционеров как непосредственных участников национального воспроизводства. Соответственно, финансовый контроль

становится имманентной составляющей современного управления воспроизводственными процессами.

Однако, в исторической практике в рамках планового хозяйства и постсоветских реформ в российской экономике финансовый контроль преимущественно сводился к инструментальному началу и таким образом, как среди западных специалистов, так и в сфере отечественных исследований преобладающим стало представление финансового контроля посредством ряда мероприятий и совокупности операций по проверке финансовой деятельности хозяйствующих субъектов.

Поэтому вне поля активных исследований осталась проблематика разработки и формирования единой общенациональной системы финансового контроля, в рамках которой возможно было бы интегрировать и воспроизводственные, и инструментально-организационные составляющие. Конечно, интеграция многих составляющих финансовых взаимоотношений участников конкретных процессов, например частно-государственного софинансирования в области образования, рассматривается достаточно активно, но преимущественно это ограничено уровнем отдельных отраслей и комплексов [11].

Это, на наш взгляд, в пореформенное время стало упущением методологического характера, тем более, что практика последних лет показала значительный рост увеличения числа проверок и осуществляющих их субъектов на фоне относительно низких темпов роста ВВП.

Наряду с этим важнейшей составляющей современной методологии с объективной необходимостью становится использование новейших технологических возможностей обработки финансовой информации и методов системного анализа с использованием последних разработок в области теории денег и финансов, на что обращается все более пристальное внимание [14]. В целом это создает потенциальную возможность организации перманентного и сплошного мониторинга с целевым анализом финансовой части хозяйственной деятельности, что окажет существенное влияние на трансформацию его содержания.

Проблему соотношения двух вышеуказанных подходов к содержанию финансового контроля целесообразно, по нашему мнению, рассматривать в контексте необходимых и достаточных предпосылок. В качестве необходимых условий современной трансформации содержания контроля естественно выступают цифровые инструменты с соответствующей технологической организацией, а в качестве достаточных – обязательное формирование новых финансовых отношений. До последнего времени это в принципе было практически невозможно и приоритеты инструментального развития получили явное преимущество над развитием финансовых отношений. Сейчас сложились системные условия их органически уравновесить в новой системе отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

Корпоративный финансовый контроль по своему главному отличию от хозяйственного вообще представляет собой процессы в крупномасштабных организациях, которые располагают значительным числом отделений и филиалов, часто структурированных по сетевому принципу. Это отличие является одновременно и системной чертой его содержания, поскольку изначально охватывает большое, а порой и неограниченное, количество участников.

Исходной предпосылкой рассматриваемого контроля является формирование корпоративных финансов, которые обусловлены созданием, приобретением и распределением ресурсных фондов, их дальнейшим использованием для реализации основных целей акционеров. Поэтому традиционно, особенно среди зарубежных специалистов, наряду с задачами эффективного управления потоками денег, предусматривается как контроль за размещением ресурсов, так и окончательный контроль за их полным использованием [5]. В большинстве случаев при этом рассматривается в качестве основного соотношение рисков и доходности для процессов принятия решений об использовании корпоративных финансовых ресурсов на основе концепции временной ценности денег. Данный подход дает ряд оснований рассматривать корпоративные

формирования в качестве специфической совокупности рискованных потоков денег.

Отсюда наиболее характерным представлением корпоративного финансового контроля стало его функциональное рассмотрение через финансовые и денежные активы организаций с ориентацией на обеспечение укрепления их положения на рынке и исключение возможности коррупционных действий. В полной мере исполнить отмеченные стратегические задачи возможно только будучи интегрированной частью общего корпоративного управления. Поэтому рассматриваемый контроль не может оставаться на надстроечном уровне, должен быть системно вплетен во все этапы и фазы воспроизводства, что принципиально отличает его содержание от всех видов аудита. Если независимый и внутренний аудит сконцентрирован на поиске отклонений от действующих норм и стандартов, то финансовый контроль предназначен для повышения эффективности выбора практически во всех действиях корпорации.

Однако данный устоявшийся и достаточно общепринятый подход теперь необходимо практически заново пересматривать в условиях нового разворачивающегося глобального финансового кризиса, триггером которого считаются экономические последствия коронавирусной пандемии, выразившиеся в частности в крахе на мировых фондовых рынках в феврале 2020 года. Это привело к ситуации, когда месяц спустя Международный валютный фонд уже официально объявил о падении объемов мировой экономики и начале рецессии. Руководство большинства стран пришло к выводу о потребности в мерах срочного реагирования, которые в основном сводились к предоставлению многочисленных льгот и финансовой помощи. Кроме того, в условиях низкого уровня ключевых ставок большое внимание стало уделяться политике количественного смягчения (QE). Только Европейский Центробанк (ЕЦБ) предусмотрел эмитировать до марта 2022 года более 1,85 трлн. евро наряду с 1,67 трлн. евро предусмотренных по программе долгосрочных кредитов по отрицательной ставке в минус один процент. Не менее активно действовали и власти США, исполнив три пакета помощи населению и бизнесу

в 2,2 трлн., 484 млрд. и 892 млрд. долларов соответственно.

В итоге, практически для всего мира, за небольшим исключением, стал характерен достаточно резкий рост государственного долга (табл. 1).

Более наглядно глобальная картина скачка государственной задолженности представлена на рис. 1.

Размеры государственного долга в большинстве стран превышают выработанные Всемирным банком еще в 2010 году рекомендуемые критерии безопасности в 77 процентов от ВВП. На фоне данных рекомендаций правительства имеют возможности самостоятельно устанавливать подобные ограничители. В частности, в европейских странах в соответствии с Маастрихтскими решениями параметры государственного долга относительно ВВП не должны превышать отметки в 60 процентов. Ряд экономистов и практиков считают допустимым уровень не более 50 процентов, что позволяет потенциально решать проблемы в критических случаях посредством половины ВВП, направляемого на обслуживание долга. В последнем случае возможно эффективное функционирование национального хозяйства с достаточным инвестированием.

В контексте данной статьи следует особо подчеркнуть, что нарушение предлагаемых ограничений по относительным размерам государственного долга никак не отражаются в системе финансового контроля. Получается, что его инструменты функционируют эффективно при накоплении существенного критического потенциала в финансовых системах многих государств.

Еще более критичной является ситуация в сфере корпоративных финансов. И тут дело даже не только в том, что, например, транснациональные корпорации (ТНК) уже контролируют более восьмидесяти процентов мировой торговли и до девяноста процентов финансирования инвестиций. Согласно отчету Национального совета США по разведке «Глобальные тенденции – 2030: альтернативные миры», на смену современного однополярного мироустройства придет период усиления негосударственных акторов (ТНК, субнациональных объединений, отдельных территорий, городов

и агломераций), что обусловлено новыми технологиями в политических, информационно-коммуникационных, финансовых, сетевых и других сферах. При этом, именно ТНК представляют собой наиболее перспективную функциональную основу грядущих массовых так называемых гибридных коалиций государств и негосударственных акторов [2].

В современный период трансформаций корпоративный мир идет с нарастающими задолженностями. В 2020-ом году наблюдался самый крупный годовой прирост совокупного долга со времен второй мировой войны, достигший абсолютной отметки в \$ 226 трлн. Это согласно последним данным Международного валютного фонда (МВФ) по мировому долгу составило в том же 2020 году 256 процентов мирового ВВП. В текущем 2022 году (по данным за первый квартал) по расчетам специалистов Института международных финансов (Institute of International Finance) совокупный долг достиг \$ 305 трлн, что составляет 348 процентов глобального ВВП. В основной части – это долги корпоративного финансового и не-финансового сектора.

Современная аналитика преимущественно объясняет указанные факты нарастания финансовой задолженности пандемическими и военно-политическими событиями последнего времени. Но на наш взгляд, следует в первую очередь учитывать длительные процессы финансиализации как на глобальном, так и на национальном уровнях.

Финансиализация как таковая трактуется посредством факта явного приоритета коммерческих финансовых мотивов относительно воспроизводственных, что на практике выражается в усиливающейся роли финансового сектора в концентрации потоков ограниченных ресурсов благодаря приоритетам инвестиционного выбора домашних хозяйств и агентов предпринимательства. Особо актуальной проблема стала в свете последствий глобального финансового кризиса 2007-2009 гг., хотя еще в восьмидесятые годы прошлого века сформировался относительно устойчивый рост сбережений по всем секторам экономики и домашних хозяйств, основная часть которых непосредственно была представлена разнообразными ценными бумагами.

Таблица 1

Динамика показателей государственного долга по группам стран и отдельным экономикам в 2008-2021 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Глобальный госдолг	201	215	209	208	210	211	213	220	226	225	225	227	256	258
Развитые экономики	71,7	90,9	97,4	101,4	105,5	104,0	103,6	103,1	105,6	103,2	102,6	103,8	122,7	121,6
Страны G7	88,5	103,4	111,6	116,8	120,7	120,7	118,5	117,4	116,3	119,5	117,4	118,0	140,2	139,0
Европейский союз	65,4	75,5	80,6	82,9	86,4	88,5	88,8	86,7	85,9	83,3	81,2	79,0	91,9	93,0
Австралия	11,8	16,7	20,4	24,1	27,5	30,5	34,0	37,7	40,5	41,1	41,6	46,6	57,3	62,1
Великобритания	49,3	63,2	74,3	80,0	83,2	84,2	86,1	86,7	86,8	86,3	85,8	85,2	104,5	108,5
Германия	65,7	73,2	82,5	79,9	81,2	78,8	75,7	72,3	69,3	65,0	61,6	59,2	69,1	72,5
Израиль	71,6	74,4	70,4	68,6	68,1	66,8	65,6	63,8	62,0	60,2	60,4	59,5	72,0	73,2
Индия	72,8	71,5	66,4	68,6	68,0	67,7	67,1	69,0	68,9	69,7	70,4	74,1	89,6	90,6
Испания	39,7	53,3	60,5	69,9	86,3	95,8	100,7	99,3	99,2	98,6	97,5	95,5	119,9	120,2
Канада	67,9	79,3	81,2	81,8	85,4	86,1	85,6	91,2	91,7	88,8	88,8	86,8	117,5	109,9
Китай	27,2	34,6	33,9	33,8	34,4	37,0	40,0	41,5	48,2	51,7	53,8	57,1	66,3	68,9
США	73,4	86,6	95,1	99,5	103,0	104,5	104,5	104,9	106,9	106,0	107,1	108,5	133,9	133,3
Турция	37,8	43,5	39,7	36,2	32,4	31,2	28,5	27,4	28,0	28,0	30,2	32,7	39,8	37,8
Франция	68,8	83,0	85,3	87,8	90,6	93,4	94,9	95,6	98,0	98,3	98,0	97,6	115,1	115,8
Швейцария	44,6	42,8	41,1	41,5	42,2	41,6	41,6	41,7	40,5	41,2	39,2	39,8	42,4	42,7
Япония	180,7	198,7	205,7	219,1	226,1	229,6	233,5	228,4	232,5	231,4	232,5	235,4	254,1	256,9
Российская Федерация	7,4	9,9	10,1	10,3	11,2	12,3	15,1	15,3	14,8	14,3	13,6	13,8	19,3	17,9

Примечание: таблица составлена по данным: Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы. / Ин-т Гайдара. – М.: изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – С. 15-16.

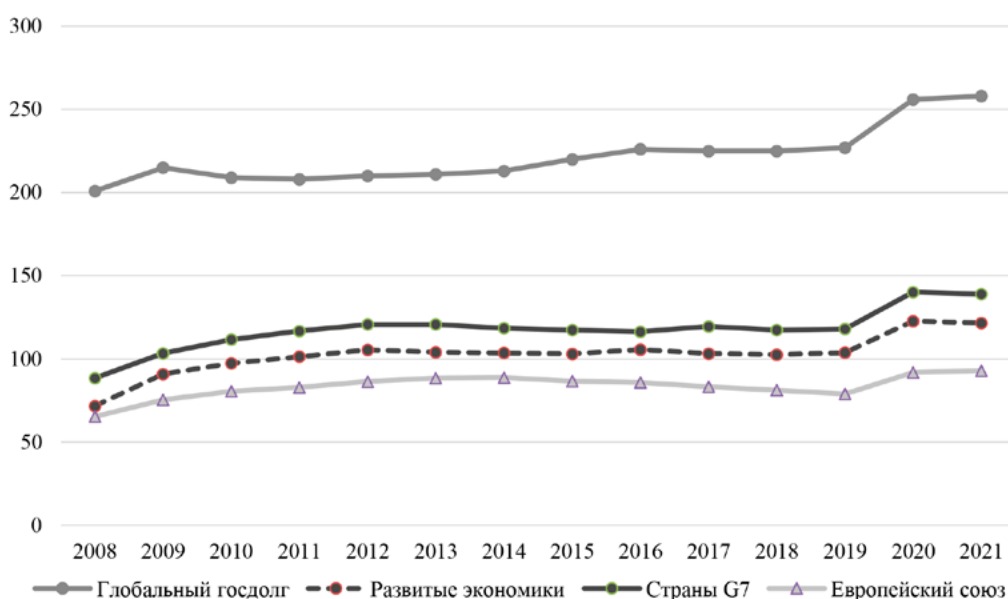
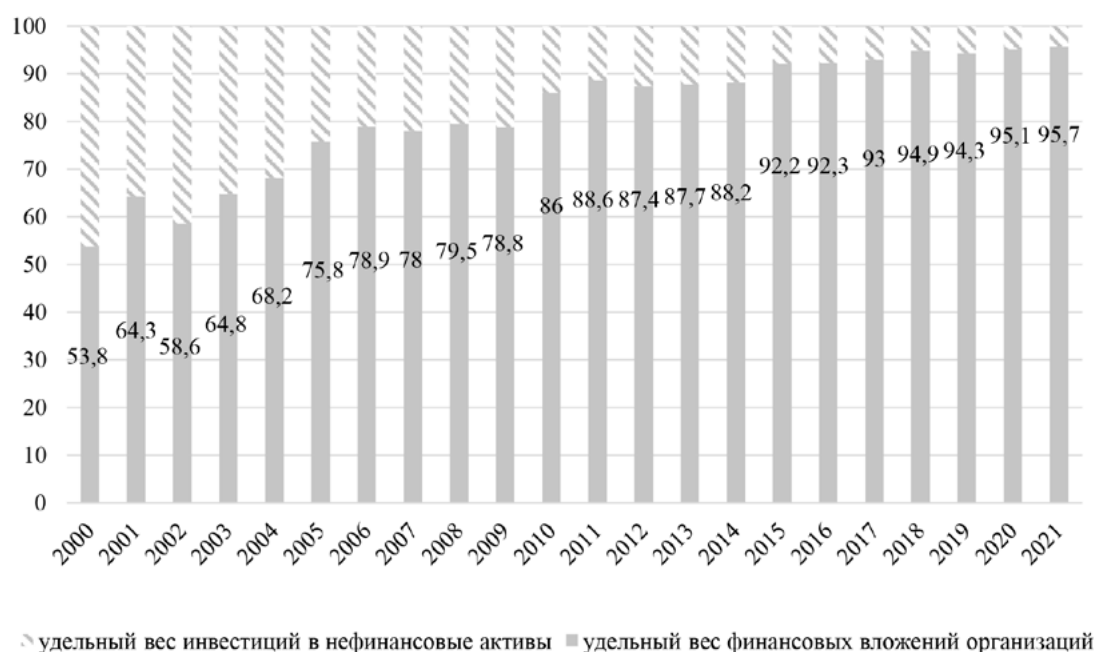

Рис. 1. Динамика роста глобального государственного долга в 2008-2021 гг.

Примечание: составлено автором по данным табл. 1.

▲ удельный вес инвестиций в нефинансовые активы ■ удельный вес финансовых вложений организаций

Рис. 2. Показатели соотношения финансовых вложений организаций и объемов инвестиций в нефинансовые активы в РФ в 2000-2020 гг., в процентах, без субъектов малого предпринимательства

Примечание: рисунок 2 составлен по данным Федеральной службы государственной статистики: URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial; <https://rosstat.gov.ru/folder/14476> (дата обращения: 11.08.2022)

В итоге темпы роста совокупных финансовых операций стали существенно превышать соответствующие показатели роста ВВП и роста вложений в основной капитал [8]. При этом, тенденции только усилились после глобального финансового кризиса, когда инвестиции в основной капитал в реальном секторе остаются почти неизменными в США, ЕС и Японии, а капитализация фондовых рынков удвоилась за десять лет.

В качестве примера по российской экономике необходимо обратить внимание на устойчивую динамику поглощения инвестиций в нефинансовые активы финансовыми вложениями (рис. 2). Характерно, что даже пандемические проблемы нисколько не остановили отраженные тренды. Подобная динамика предпочтений финансовым вложениям существенно затрудняет процессы инвестирования реального сектора национальной экономики. Формируются данные предпочтения преимущественно в корпоративном секторе, поскольку

ку малый бизнес не учитывался. Более того, капитализация только сотни крупнейших публичных компаний России в 2020 году по данным экспертов РИА Рейтинг составляла 53,5 триллионов рублей при реальных параметрах ВВП в 107,4 триллионов.

Финансиализация в значительной мере ведет к утрате финансовой основы суверенитета в воспроизводственных процессах и становится одним из главных факторов изменения существующих финансовых систем.

В этих условиях в российском корпоративном секторе нет никакого финансового контроля над процессами воспроизводственного инвестирования. Хотя совокупность его непосредственных инструментов функционирует устойчиво и эффективно стимулирует именно отмеченные тенденции финансиализации. Проблематика воспроизводственного инвестирования в настоящее время становится еще более острой, что, по сути дела, подчеркивалось на недавнем

25-м Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2022) в контексте достижения технологического суверенитета.

Кроме того, в настоящее время наблюдается, как это было отмечено на заседании Государственной Думы РФ 15.07.2022, инвестиционная пауза при профиците мощностей. Это не только результат функционирования прежней либеральной экономической системы, как считается в большинстве случаев, но это и результат полной неэффективности в данном направлении корпоративного финансового контроля, поскольку именно корпоративный сектор является основным инвестором хозяйственного развития. Стратегический характер проблема обретает в контексте заявленного перехода от рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета.

Еще одним вызовом, стоящим перед корпоративным финансовым контролем и не теряющим актуальности в настоящее время, является факт существования значительной теневой экономики. Хотя само определение теневой экономики является поливариантным из-за множества предлагаемых критериев по продукту, занятости, доходам, налогообложению, в самых минимальных параметрах она составляет около 15 процентов ВВП в отдельных развитых странах при реализации активной государственной политики борьбы с ней. В среднем удельный вес теневой экономики составляет около 30 процентов ВВП согласно результатам опубликованного в 2018 году обследования Международного валютного фонда по 158 странам мира в 1991-2015 годах. По российской экономике соответствующий показатель был определен в диапазоне от 17 до 31 процентов. Более того, имеет место активная интеграция соответствующих коррупционных схем и отношений в государственном секторе национальной экономики [12].

Таким образом, финансовый контроль по своему содержанию в существующих общих и корпоративных формах организации и функционирования практически не реагировал на три отмеченных вызова последних нескольких десятилетий – опережающих темпов роста финансовой задолженности, финан-

сиализации экономики и значительной роли теневой экономики. Эти вызовы сохраняют свое значение в настоящее время в условиях сильнейших турбулентных процессов в мировой экономике, вызванных нарастанием военно-политических противоречий, и соответствующим формированием очередной новой нормальности. Положение дел усугубляется фактическим отсутствием системного сквозного финансового контроля, более точно – разрывом его сквозного содержания на уровне корпораций.

С одной стороны, поиски путей устранения отмеченных противоречий финансового контроля в процессе его трансформации является логичным и необходимым условием. Но с другой стороны, эти противоречия отличаются историческим и накопительным характером, а содержательная трансформация должна преимущественно определяться наиболее актуальным системообразующим фактором современности как достаточным условием. В таком случае первые задачи будут сопряженными по своему характеру в общей трансформирующейся системе. Поэтому особое внимание следует уделить поиску главного фактора трансформации, вытекающего из нынешних новых отношений и процессов.

Практически общепризнаваемое сейчас положение о неизбежности формирования нового мира, в том числе в экономическом пространстве, отмечалось и в более ранних научных исследованиях. В частности, указывалось, что последние десятилетия ряд стран двигались по собственным траекториям развития и в итоге на смену однополярности мира приходит многополярность. При этом мировое развитие представляет собой процесс многократной смены одной отмеченной формы другой. В такой ситуации предлагалось развивать стратегию разумного многостороннего партнерства, позволяющей за счет эффективного балансирования осуществлять превентивные меры относительно возможного негативного развития событий и процессов. Кроме того, для нашей страны предполагалась активная посредническая роль в противостоянии основных центров с вытекающими отсюда экономическими особенностями

ми [9]. Наряду с подобными подходами существовала дискуссия относительно содержания биполярности и многополярности мира, в том числе и в экономической плоскости проблемы [10].

В последние годы и месяцы все кардинально поменялось, сейчас дело даже не в том, насколько адекватными грядущим процессам были такие варианты развития и в какой части они сбылись, сколько в том, каким реальным приоритетам следует отдавать предпочтение на современном этапе. В этом контексте обостряются проблемы функционирования существующих финансовых систем.

Специалисты Банка международных расчетов (BIS) обращают внимание на обострение проблем роста общего объема долларовых корпоративных кредитов после окончания глобального финансового кризиса. В результате корпорации оказываются в зоне повышенных рисков финансирования по причинам усиления нестабильности мировых рынков и ужесточения требований кредиторов, особенно в краткосрочных сделках, когда пролонгация кредитов в иностранных валютах становится все более проблематичной при обесценении местных валют. При дополнительном наложении современных тенденций гиперинфляции, становящейся реальностью в США, прогнозируется возможность социально-экономического апокалипсиса из-за принципов функционирования американской финансовой системы, базирующихся ныне на практически ничем не ограничиваемом и относительно бесконтрольном количественном смягчении.

Такие выводы перекликаются с ожиданиями специалистов Всемирного банка, которые в своем недавнем докладе «Перспективы развития мировой экономики» от 07.06.2022 указывают на неизбежность снижения темпов роста мировой экономики с 5,7 процентов в прошлом году до 2,9 процентов в текущем. Далее прогнозируется сохранение этих параметров на период 2023-2024 годов по причинам военно-политических событий, нарушивших многие составляющие экономического, инвестиционного и торгового взаимодействия на ближайшую и среднесрочную перспективу при исчерпании эффекта ранее отложенного спроса и сворачивания мер поддержки

в рамках фискальной и денежно-кредитной политики государств. Совокупный ущерб от недавней пандемии и нынешних военно-политических событий оценивается снижением на 5 процентов доходов населения относительно уровня, достигнутого на период начала пандемии. По части инфляции ожидается, что сводный показатель темпа роста цен по странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) достигнет максимума с конца восьмидесятых годов прошлого столетия.

О проблемах непосредственно на данный момент времени в корпоративном секторе мировой экономики пока нет прямой итоговой статистики, но высшие руководители крупнейших мировых технологических и розничных компаний начали чувствовать образующиеся трещины в расходах населения. Прибыль технологических компаний Google и Apple пока превосходит прогнозы, но в некоторых нишах потребительские расходы замедляются. Procter & Gamble готовится к более жестким условиям следующего года. Amazon заявляет о сильном росте финансовых показателей сейчас в преддверие резких изменений. Mastercard наблюдает стабилизацию расходов у богатых и снижение у низкодоходных групп. Walmart и Best Buy уже ожидают ухудшения показателей за август текущего года по причинам существенных изменений в поведении и привычках потребителей. Из-за нехватки многих запчастей и роста напряжения в логистических процессах, падают показатели General Motors и других мировых автопроизводителей. Результатом сохранения высокой инфляции при ухудшении параметров потребительского спроса и снижении потребительских настроений в обществе на фоне нарастания проблем с поставками становится обострение противоречий в макроэкономической среде с нарастанием финансовой неопределенности [1].

В российском сегменте мировой экономики также ожидается снижение основных показателей развития по итогам текущего года, хотя и не столь резкое как это виделось в начале военно-политического кризиса, когда прогнозы сокращения ВВП были в коридоре от 15 до 25 процентов ВВП. Так, согласно последнему

докладу Банка России о денежно-кредитной политике от 1.08.2022 сокращение ВВП допускается на 4-6 процентов при почти аналогичном сокращении потребления на 4,5 – 6,5 процентов. При этом ожидается существенное сокращение импорта на 27,5 – 37,5 процентов и инфляция в годовом исчислении на уровне 12-15 процентов. Кроме того, непосредственно по четвертому кварталу в отдельности предполагается общее сжатие экономики более чем на 12 процентов, чего не наблюдалось в российской истории после 1990 года.

Наибольшую озабоченность специалистов Банка России вызывает анализ инвестиционных планов крупнейших российских корпораций. За первое полугодие 2022 года было объявлено о сокращении инвестиционных программ относительно планов на начало года примерно на 40 процентов. В целом, как подчеркивается в докладе, перспективы в части развития национальной экономики характеризуются существенной неопределенностью.

Все отмеченное в совокупности свидетельствует о надвигающемся кризисе финансовых систем. При этом сама мировая финансовая система уже многие годы нуждается как минимум в серьезном реформировании. Еще после глобального финансового кризиса на встрече лидеров Большой двадцатки (G-20), интегрирующей до 85 процентов ВВП, 75 процентов торговли и две трети населения мира, в 2009 году было обращено внимание на необходимость восстановления финансовой системы на основе реформ ее международных институтов и расширенном стимулировании развития торговли и инвестирования. Однако запланированного реализовать не удалось и в Докладе о торговле и развитии ЮНКТАД за 2022 год подчеркнуто, что триллионы долларов в совокупности были истрачены только на восстановление финансовой системы, но какой-либо серьезной ее реформы так и не было проведено.

Формирующаяся новая нормальность характеризуется, прежде всего, исторически беспрецедентным ростом цен на группы сырьевых и энергетических товаров. По ряду причин ожидается, что этот период окажется достаточно про-

должительным и будет сопровождаться существенной перестройкой воспроизводства и валютно-финансовых отношений. Кроме того, по мнению специалистов Центра развития Высшей школы экономики, значительные сокращения ВВП возможны по причинам быстрого и масштабного разрушения длительно формировавшихся экономических цепочек, создание которых в новом и эффективном виде потребует достаточно много времени.

Перезагрузка и переформатирование финансовых систем в условиях новой экономической нормальности может пойти по различным и пока трудно прогнозируемым направлениям. В целом исследование данной проблемы выходит далеко за рамки нашей статьи, однако в контексте анализа трансформации содержания финансового контроля целесообразно отметить один существенный момент. Приоритеты изменения финансовых систем можно определять по множеству общеизвестных и утвердившихся в теории и практике критериев. Например, с опорой на банки или госбюджет, открытость или закрытость в соответствии с проводимой экономической политикой, однородность или гетерогенность по составу, простоту или сложность в организации, централизованность или децентрализованность по управлению, территориальной ограниченности или глобальности и так далее. Но в любом случае сохранится важность системного сочетания таких основ как материальные ценности и учитываемые обязательства.

История создания и трансформации финансовых систем двадцатого века показывает последовательное снижение роли золотого стандарта как материальной ценности и рост функциональности многосторонних обязательств. Как известно, новая в свое время Бреттон-Вудская система пришла на смену финансовой системе, основанной исключительно на золотом стандарте. Предусматривалась только ограниченная конвертация доллара в золото, которая привела к определенной асимметричности обязательств и последовательно обострилась проблема доверия [7]. Проблема отчасти решалась посредством ямайских соглашений, отличавшихся официальной отменой золотого стандарта и золотых

паритетов при введении свободной торговли валютами, но в дальнейшем вновь усилилась, особенно после глобального финансового кризиса.

Конечно, роль золота и ряда других материальных ценностей пока еще не ушла окончательно в историю, тем более, что предлагаются новые активы. Так, на ПМЭФ-2022 прозвучало утверждение о смене экономических парадигм, особенно в части замены спросом на сырье спроса на валютные резервы. Но для реализации этого сдвига потребуются новая совокупность обязательств, которая продолжит играть доминирующую роль в функционировании финансов.

Эта же тенденция хорошо просматривается в предлагаемых подходах к формированию новых финансовых систем. Так, в уже упоминавшемся отчете американских специалистов «Глобальные тенденции – 2030: альтернативные миры» смена однополярной финансовой системы рассматривается через многосторонние обязательства государств, транснациональных корпораций и других, заинтересованных в коалициях, участников.

По материалам ПМЭФ-2022 было сформулировано положение о необходимости создания независимой и высокоэффективной финансовой системы в условиях утраты ведущими валютами мира статуса надежных и роста расчетов в национальных валютах. Соответствующее появление финансовых институтов в совокупности может создать реальную альтернативу однополярной финансовой системе. Кроме того, предстоит интеграция в системы новых видов цифровых финансовых активов и цифровых денег, которые обретают практическое содержание при условии сопряжения с дополнительными многосторонними обязательствами.

С позиций ранее изложенной методологии, рассматриваемые обязательства представляют собой финансовые отношения, которые в новой нормальности становятся приоритетным фактором. Сейчас, когда мировая финансовая система практически свела к минимуму обеспечения ее ценностями и опирается в основном на обязательства, принятые на себя ее участниками, на первый план окончательно выходят финансовые отношения. Насколько такие системы будут

сбалансированными на длительных горизонтах времени – зависит, в том числе, от эффективности финансового контроля в целом, и в корпоративной сфере, в особенности. Долгосрочная стабильность экономических и финансовых отношений определяется эффективным национальным воспроизводством, что должно стать ориентиром системной трансформации содержания финансового контроля.

Необходимыми практическими условиями рассматриваемой трансформации финансового контроля выступают цифровые и платформенные технологии, а основной предпосылкой его эффективности – сетцентрическая система организации и управления.

Множество новых финансовых систем в настоящее время, как известно, формируется на основе платформ, создаваемых на базе сквозных цифровых технологий распределенного реестра, позволяющих реализовать принципы общего пользования, самоуправления транзакциями и оперативности с наличием процессов перманентной записи и их хранения на множестве компьютеров, исключающего несанкционированное внесение изменений. Такая технологическая основа представляет собой, кроме всего прочего, неограниченный потенциал всеобщности и оперативности информации для финансового контроля над действиями всех без исключения участников финансовых отношений. Этот потенциал цифровых технологий как раз и открывает новые возможности развития содержания финансового контроля в части перманентного поддержания оптимального баланса в динамике стоимостных пропорций национального воспроизводства и прежде всего в его корпоративном секторе.

Дополнительно эффективность и качество финансового контроля в контексте его воспроизводственной направленности в новых финансовых системах может быть обеспечена посредством реализации принципов сетцентрического управления. Данные принципы предполагают полную и постоянную ситуационную осведомленность на всех иерархических уровнях управления и ее непрерывную актуализацию. В таком случае все принимаемые решения

основываются на использовании всей полноты информации, что позволяет непосредственно в рамках финансового контроля обеспечивать сопровождение воспроизводственных целей на основе самоорганизации как в традиционных горизонтальных и вертикальных взаимосвязях, так и во множестве диагональных. В итоге сетцентрическое управление с его принципами децентрализации, многоагентности и распределенности исключает возможности дефрагментации в процессах исполнения принятых решений по причинам прежнего административного характера [13]. Кроме того, следует учитывать пока еще не до конца изученные конкурентные преимущества информационного превосходства сетцентрического управления, в том числе в финансовой и корпоративной сферах.

Выводы

Новая экономическая нормальность текущего времени предполагает формирование новых финансовых систем с неотъемлемым элементом корпоративного и общего контроля, ориентированного на обеспечение эффективного национального воспроизводства, являющегося, в свою очередь, основой подлинного суверенитета в любой социально-экономической сфере. Глобализация в значительной мере подмяла и снизила эффективность национальных воспроизводственных систем, что особенно проявилось в современных экономических противоречиях.

При этом существующие формы финансового контроля по своему содержанию, в том числе в корпоративном секторе, практически никак не реагировали на такие системные вызовы, как опережающие темпы роста финансовой задолженности, усиливающаяся до максимальных пределов финансиализация экономики и сохранение значительной доли теневой экономики.

Поэтому, каким бы не оказался формирующийся сейчас новый экономический мир, одной из важнейших упреждающих научных и практических задач является разработка и становление новой системы финансового контроля вообще и в корпорациях в особенности. Кроме того, в числе главных приоритетов исследований оказывается соответствующая

трансформация его воспроизводственного содержания.

Глобальные процессы и национальные тренды формируют пространство пересечения общих интересов – сохранение основных эффективных экономических результатов развития. Требуется интеграция преимуществ глобализации и объективных факторов реализации национальных интересов, которая позволит создать предпосылки для устранения надвигающейся финансовой катастрофы. Одной из ключевых точек процессов этой интеграции может и должен стать финансовый контроль. Особенно в корпоративном секторе, который является приоритетным по масштабам в создании национального продукта, по функциональной роли в воспроизводстве на всех уровнях, по потенциалу технологического развития на современном этапе.

Финансовый контроль непосредственно в корпорациях по своему главному содержанию в условиях цифровизации должен стать основой управления воспроизводственными процессами в национальной экономике. Реальность расширенного финансового контроля заключается в платформенных технологиях, а его эффективность – в сетцентрической системе организации и управления.

Интеграция всех сложившихся компонентов финансового контроля в единую национальную систему становится необходимым фактором трансформации его содержания на современном этапе развития. Это предполагает формирование нового пространства финансовых отношений, характеризующихся всеобщим контролем воспроизводственной направленности. Достаточным условием выступает факт разработки и функционирования ряда цифровых технологий, позволяющих на практике реализовывать новые отношения финансового контроля.

Таким образом, воспроизводственная трансформация содержания финансового контроля превращает его в системообразующий фактор формирования новых финансовых систем с приоритетами корпоративного сектора. И от того, насколько эффективно будет выстроена система финансового контроля, непосредственно зависит и содержание новых финансовых систем.

Библиографический список

1. De Vynck G., Lerman R., O'Donovan C. Corporations on the front lines of the economy say cracks are forming. The Washington Post. 2022/07/30. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/07/30/earnings-econ-recession/> (дата обращения: 01.08.2022).
2. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington: National Intelligence Council, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения 15.08.2022).
3. Sharpe W.F. Adaptive asset allocation policies // Financial Analysts Journal. 2010. № 66.3. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.stanford.edu/~wfs Sharpe/aaap/wfsaaap.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Tobin J. The New Economics One Decade Older. 2015. Volume 1559 in the series Eliot Janeway Lectures on Historical Economics In the series Princeton Legacy Library. [Электронный ресурс]. URL: <https://DOI:10.1515/9781400871476> (дата обращения: 28.07.2022).
5. Watson D., Head A. Corporate finance: principles and practice– 5th ed. Edinburgh: Pearson Education Ltd, 2010. 473 p.
6. Колесников А.В. Роль, функции и задачи корпоративных центров // Управленческий учет. 2022. № 6. С. 226-232.
7. Лекаренко О.Г. Кризис Бреттон-Вудской валютной системы и начало европейского валютного сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 98-106. DOI:10.17223/15617793/466/12.
8. Мисанова И.Н. К вопросу о финансовых аспектах в эволюции экономических кризисов // Финансовая экономика. 2017. № 2. С. 47-52.
9. Пляйс Я.А. Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 6-19. DOI:10.12737/18335.
10. Сергунин А.А., Субботин С.В. В поисках нового мирового порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6. С. 186-196.
11. Татуев А.А. Трансформация приоритетов модернизации высшей школы при переходе к обществу знаний // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 8 (263). С. 27-34.
12. Татуев А.А., Бородин А.И., Шаш Н.Н. Феномен современной коррупции и факторы формирования коррупционных услуг в государственном секторе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 21 (255). С. 2-15.
13. Тома Ю.Г. Дифференциация уровней применения сетецентрической концепции на примере существующих информационных систем и децентрализованных финансовых ресурсов // Наукоедение. 2017. Т. 9. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/15EVN617.pdf> (дата обращения: 20.08.2022).
14. Финансовый контроль в сфере публичных и частных финансов: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 25 ноября 2016 г. / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: РГУП, 2017. 419 с.
15. Финансы СССР / Под редакцией В.П. Дьяченко. Выпуск 1. М.: Госфиниздат, 1933. 150 с.